

Виктория Захарова
(Нижний Новгород)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ А. С. ПУШКИНА В ВОСПРИЯТИИ С. Л. ФРАНКА

Работа С.Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» была написана и опубликована спустя столетие после гибели поэта — в 1937 году. Масштаб и глубина воззрений философа способствовали тому, что и сегодня она воспринимается как достойные русской религиозно-философской мысли. Значение этого труда, по нашему представлению, прежде всего в том, что в нем, по сути, идет речь об *историософии* Пушкина, а это до сих пор недостаточно освоенная научная проблема — и в плане собственно историософии как

таковой, основанной на документальном материале, и *художественной историософии* национального гения. Осознавая самоценность этой проблемы, ограниченные рамками статьи, обратимся лишь к некоторым, на наш взгляд, показательным положениям работы С.Л. Франка, свидетельствующим о сути его воззрений на Пушкина как государственного мыслителя.

Однако предварить наши рассуждения стоит некоторыми высказываниями Семена Людвиговича Франка из его дневника, которые дают представление о том, насколько духовно близок был ему Пушкин в течение всей жизни. Так, известно, что его дневниковая тетрадь начиналась эпитафией — строками известного стихотворения Пушкина: «Мой путь уныл; сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море. / Но не хочу, о други, умирать: / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!» [2, с. 17]. В дневнике встречаются признания такого рода: «Есть

мысли, особенно выраженные в стихах, которые мне хочется не только читать, не только помнить, а впитать в себя так, чтобы они и я стали одно и то же, и мне досадно, что такое слияние невозможно... К числу таких мыслей относятся рассуждения Пушкина в стихотворении «Безумных лет...» [4, с. 35].

В работе «Пушкин как политический мыслитель» С. Л. Франк исходит из уверенности в том, что Пушкин, не только как поэт, но и «как духовная личность, далеко опередил русское национальное сознание» [Там же, с. 396]. Справедливо полагая, что история русской мысли долгие годы несправедливо проходила мимо Пушкина, С. Л. Франк решает хотя бы в малой степени восполнить этот пробел и выстроить параболу его политического развития. Однако политическое мышление поэта в анализе Франка, на наш взгляд, выступает прежде всего в аспекте его державного, государственного самосознания. Логика ученого поражает своей доказательностью, укорененной в великолепном знании не только собственно творчества Пушкина, но и его эпистолярного наследия, дневниковых записей. Убеждает и прекрасное владение Франком историческим материалом в огромных временных масштабах, что помогает автору анализируемого труда представить взгляды поэта в обстоятельном контексте не только его современности, но и — сквозь призму творчества Пушкина — в контексте всей русской истории.

Вначале Франк основывается на «Исторических замечаниях Пушкина» 1922 года, которые справедливо называет «необычайно интересными». Эти «замечания», касающиеся тогдашних представлений совсем еще молодого поэта о послепетровской эпохе, проникнуты, по мысли Франка, «моральным негодованием против власти и в этом смысле носят отпечаток *политического радикализма*» [Там же, с. 402]. Однако очень скоро этот «кишиневский» политический радикализм сменится у Пушкина, особенно после его знакомства с участниками греческого освобождения, как верно замечает Франк, обличением расхожих общественных суждений. «В его словах, — пишет философ, — мы имеем первое нападение поэта на ходячий тип русского либерального общественного мнения — в известной степени пророческий в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции» [Там же, с. 403]. Трудно переоценить важность замеченного Франком этого рано сформировавшегося обоснованного критицизма Пушкина в отношении легковёрности определенной части интеллигенции относительно так называемого «общего мнения».

Главным же «памятником» созревшего пушкинского консерватизма «в глубоком слое духовной жизни поэта» является, по мысли Франка, драма «Борис Годунов». Она, как известно, написана на основе внимательного изучения поэтом истории Смуты и, как верно отмечает Франк, приводит Пушкина «к одному убеждению, которое является позднее основополагающим для его политического мировоззрения — к убеждению, что монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни» [5, с. 405]. Одним из аргументов в рассуждениях философа является, к примеру, характеристика Пимена, данная Пушкиным своему герою: «В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти Царя, данной от Бога... Мне казалось, что сей характер, все вместе, нов и знаком — для русского сердца» [Там же].

Именно погружение в политическую ситуацию XVI–XVII веков углубило, по мысли С. Л. Франка, пушкинские взгляды в постдекабристский период. Неоднозначность позиции Пушкина в связи с восстанием, в котором принимали участие его друзья, сегодня уже осмыслена многими учеными. В этой связи представляется ценным суждение Франка, основанное на изучении эпистолярного наследия поэта, воспоминаний его современников, отрывков 10-й главы «Евгения Онегина». Размышляя о письме поэта к Дельвигу вскоре после восстания, восхищаясь его органической неспособностью к «партийному фанатизму», философ цитирует Пушкина: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» [Там же, с. 406]. Философ обращает внимание читателей, что «уже тогда в Пушкине, очевидно, выработалась какая-то совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, "шекспировский" взгляд на политическую бурю декабря 1825 года (Курсив наш. — В. З.)» [Там же]. По сути дела Франк здесь указывает на те вехи становления державного мышления Пушкина, которые с неизбежностью приведут поэта к известному предупреждению из «Капитанской дочки» об опасности русского бунта, «бесмысленного и беспощадного».

Значительное место в работе Франка уделено анализу всегда присутствовавшего у Пушкина страстного интереса к внешнеполитической судьбе России. И в этом плане поэт, по справедливому убеждению исследователя, являет «совершенный уникам среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века» [Там же, с. 409]. Эта уникальность видится Франку в том, что Пушкин был

одним из немногих людей, которые не утратили к концу 1820-х и в 1830-е годы своего государственно-патриотического сознания. Поколение, возвращенное на высоком подъеме войны 1812 года, стало подчиняться, как замечает Франк, по своему «государственному безмыслию» настроениям «сентиментального космополитизма» [5, с. 409]. Пушкин же, как следует из его оценок взглядов своих современников — часто из плеяды ближайшего окружения, не мог равнодушно относиться к неоправданно-критическим оценкам России, ее исторического прошлого. Франк доказывает это, в частности, на примере Вяземского, отнюдь не радикально настроенного человека, о котором Пушкин, тем не менее, выразился как о принадлежащем к «озлобленным людям, не любящим России» [Там же].

Весьма важно, на наш взгляд, актуализировать и представления Пушкина о национальной гордости, которые на примере многих его произведений, дневниковых записей и писем предлагает осмыслить Франк. Ограничимся здесь лишь одним аспектом: *родовой памяти, имеющей государственное значение*. Философ справедливо полагает, что эта мысль наиболее глубоко аргументирована у Пушкина в «Отрывках из романа в письмах»: «Я без прискорбия никогда не мог видеть уничтожение наших исторических родов... Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ! Образованный француз или англичанин дорожит строкою летописца, в которой упоминается имя его предка... И у нас иной потомок Рюрика долее дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества... Конечно, есть достоинство выше знатности рода — именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться их именами?» [Там же, с. 414]. И совершенно логично, исходя из этих мудрых сентенций поэта, Франк выстраивает далее парадигму доказательств сочетания в консерватизме Пушкина пиетета к прошлому и заботы о «мирной непрерывности культурного и политического развития» [Там же].

Стоит заметить, что в том же 1937 году, когда была написана работа С. Франка, на скорбную дату откликнулись и другие известные эмигрантские философы, к примеру Г. Федотов, И. Ильин. И в их трудах мысль о поражающей государственной зрелости в мышлении поэта является ключевой; но при этом, конечно, у каждого философа — своя парадигма доказательств. Г. Федотов вел свои размышления от южных поэм Пушкина к «Медному всаднику», произведению, которое он считал определяющим для понимания того, в чем заключался для

Пушкина «смысл Империи» [3, с. 361]. Для И. Ильина, как и для С. Франка, авторитетными были многие высказывания поэта по поводу различных исторических событий, личностей, которые свидетельствовали об исторической компетентности Пушкина, изучавшего русскую историю по различным первоисточникам [1, с. 37 – 70].

Все это свидетельствует о том, что работа С. Франка, с одной стороны, вписывалась в общее духовное русло подходов религиозно-философской мысли русской эмиграции относительно представлений о Пушкине как государственном и историческом мыслителе, с другой – демонстрировала, насколько его труд был самобытным, оригинальным. Полагаем, благодаря актуализации значения этой работы для наших современников возрастет возможность для многих из них «нового прочтения» творчества великого национального поэта, понимания масштабности его государственного мышления, значимости его органического, «свободного консерватизма», его веры в Россию.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 6.
2. *Никитина Е. П.* История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С. Л. Франка) // С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
3. *Федотов Г.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
4. *Франк С. Л.* Дневник // С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
5. *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.